

Международная олимпиада курсантов образовательных организаций высшего образования по военной истории

Конкурс «Домашнее задание»

Фамилия, имя, отчество авторов курсанты Мубаракшин Кирилл Альбертович, Сысков Михаил Анатольевич, Никитин Евгений Александрович, Ермолаев Иван Николаевич.

ВУЗ, факультет, курс, специальность авторов Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники, инженерный факультет, 3 курс, радиосвязь

Тема статьи: Причины поражения Красной армии летом 1941 г.

Оценка проверяющего _____

Краткая характеристика работы _____

Содержание

1. Введение.....	3
2. Историографические взгляды на источники военных неудач первых дней войны.	4
3. Внезапность фашистской агрессии как основной фактор трагедии 1941 г.....	7
4. Качество стратегического планирования в СССР накануне Великой Отечественной войны.	11
5. Заключение.....	16
6. Литература.....	17

1. Введение

На современном этапе развития российского общества особую значимость приобретают проблемы, связанные с изучением истории Великой Отечественной войны. Очевидно, что наиболее острой из них является вопрос, связанный с освещением причин военной катастрофы первых дней начала немецко-фашистской агрессии. Именно данный аспект вызывал всегда наибольшие дискуссии не только между военными историками, но и среди простых советских граждан, судьба которых самым прямым образом была связана с войной.

Острые научные споры не утихают и сегодня. Однако наши современники имеют в своем распоряжении более точные и полные фактологические данные, позволяющие строить достаточно обоснованные гипотезы. В отличие от «советских людей», они получили уникальную возможность открыто, не боясь политических преследований, выразить свою точку зрения и обсуждать ее в публичных и цивилизованных формах.

Задача всестороннего и адекватного усвоения данного исторического опыта сегодня требует к себе первостепенного внимания. Ее актуальность, в первую очередь, обусловлена перманентностью процесса военного реформирования, благополучность протекания которого напрямую зависит от учета истории войн прошлого. Тема также приобретает особую окраску в связи с непростой для нашего государства военно-политической

обстановкой, которая все больше и больше напоминает арену мировой политики середины 1939 г.

Данные обстоятельства накладывают на исследователей определенные обязательства, заключающиеся в объективном анализе болевых точек истории Великой Отечественной войны.

2. Историографические взгляды на источники военных неудач первых дней войны.

В соответствие с научной концепцией истории ВОВ, сложившейся и прочно укрепившейся в советское время, ключевыми причинами тяжелейшего положения Красной армии в первые месяцы фашистской агрессии являлись внезапность и вероломность нападения на Советский Союз. Подобное утверждение достаточно прочно укрепилось в отечественной истории и на протяжении многих лет являлось достаточно убедительным и безапелляционным объяснением случившегося. Однако исторические документы, введенные в научный оборот на рубеже начала 90-х годов прошлого столетия позволили значительно скорректировать существующий тезис о внезапности и вероломстве. Новые материалы (большинство из которых являются разведывательными донесениями РУ ГШ РККА и управления внешней разведки НКВД, а также сообщениями дипломатических миссий СССР за рубежом) позволили обосновать точку зрения об очевидности надвигающейся угрозы¹. Опубликованная впервые в советской прессе в 1991 году «Нота министерства иностранных дел

Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года», существенно укрепила аргументацию данной позиции. Важное значение для «развенчания мифа о внезапном нападении» сыграла директива № 1, представленная на суд широкой общественности в конце прошлого века. Данные документы сделали не убедительными попытки выдавать внезапность и вероломство за главные причины трагедии разыгравшейся летом 1941 г². В рассуждениях многих историков стала преобладать категоричность и однозначность, а наоборот полярная фундаментальным и незыблемым положениям истории ВОВ.

Вывод об очевидности надвигавшегося нападения на СССР, стал основанием для современных историков поставить вопрос о преступной беспечности и даже невменяемости высшего военно-политического руководства Советского Союза. На страницах отечественных печатных изданий все чаще стали появляться высказывания о том, что Сталин, увлекшись внутривластной борьбой, существенно ослабил армию массовыми репрессиями. Проявив внешнеполитическую близорукость, доверился Гитлеру и до конца не верил в возможность войны с Германией, пытаясь объяснить начало боевых действий провокациями со стороны немецких генералов.

Не менее устойчивым заблуждением, с которым наши соотечественники смотрели на историю войны 1941-1945 гг., являлся тезис о значительном численном превосходстве вермахта в личном составе и

военной технике в момент его вторжения в СССР. Подобное ложное представление целенаправленно формировалось различными средствами: исторической литературой, научными исследованиями, публикациями в периодических изданиях, кинофильмах и т.д. Так, например, содержание советского академического учебника «История военного искусства» создает при прочтении мнение о существенном численном преимуществе вермахта в личном составе и военной технике над РККА в момент начала агрессии³.

В настоящее время российской общественности представлены более объективные данные, позволяющие со всей очевидностью увидеть, что Красная армия по основным видам вооружений не уступала немецко-фашистским войскам, а по отдельным из них имела трехкратное преимущество.

Несостоятельность прежних трактовок основных причин поражений Красной армии летом 1941 г. дала новый импульс исследовательским изысканиям в этой области. Современные историки получили возможность публиковать детальный материал, посвященный отдельным недостаткам предвоенного военного строительства в СССР⁴. Их работы позволили формировать более комплексный и обзорный взгляд на данную проблему.

Однако российскими гражданами по-прежнему ощущается потребность в простом и понятном объяснении причин «приграничного погрома». Данное обстоятельство в некоторой степени заставляет по-новому

взглянуть на основные доводы, которыми в советское время объяснялись причины поражения Красной армии в 1941 г.

3. Внезапность фашистской агрессии как основной фактор

трагедии 1941 г.

Полноценный и всесторонний анализ различных исторических документов и объективная историческая реконструкция отдельных предвоенных событий позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. действительно явилось полной неожиданностью для руководства страны. Но это ни в коем случае не являлось следствием наивной беспечности Сталина и его окружения. Внезапность начавшейся агрессии, как не абсурдно это звучит, была главным образом достигнута за счёт ярко выраженного авантюризма плана оперативно-стратегического использования немецких войск с началом войны против СССР. Другими словами, имеющимися в июне 1941г. силами и средствами, сконцентрированными вермахтом на востоке, практическая реализация плана «Барбаросса» с положительным результатом была невозможна.

Данный вывод был вполне очевиден как для высшего комсостава РККА, так и для политического руководства СССР. Благодаря деятельности военной и политической разведок, наши руководители имели в своем распоряжении разные варианты немецких стратегических замыслов нападения на Советский Союз. Сталин, Жуков и Тимошенко знали и об

общих чертах плана «Барбаросса». Важно и то, что 15 июня 1941 г. начальник разведывательного управления ГШ Красной армии генерал-лейтенант Голиков Ф.И. довел до высшего военно-политического руководства страны информацию о сосредоточении крупных сил вермахта у западной границы государства. По его данным на 1 июня 1941 г. в этом районе Германия развернула до 122 дивизий, в том числе: четырнадцать танковых и тринадцать моторизованных.

Принимая во внимание норматив оперативно-тактического развертывания общевойсковых соединений при проведении наступательных операций, составлявший в те времена в среднем одна дивизия на 5 км фронта, и путем не сложных арифметических действий можно было подсчитать, что 122 дивизии достаточно лишь для концентрации наступательных сил на рубеже не более 700-800 км. При этом важно понимать, что наступательные действия необходимо активно проводить не только по ширине фронта, но и в глубину оперативного построения противостоящих войск. Это делало обязательным существование значительного резерва (не менее 20 процентов от общего количества сил и средств выделенных для проведения операции), находящегося во втором стратегическом эшелоне.

Необходимо отметить, что протяженность западной границы СССР составляла в 1941 г. около 2 тыс. км. И даже самые примитивные расчеты показывали, что вермахту для того чтобы обеспечить наступление по такому

широкому фронту нужно было стянуть к границе по меньшей мере 240-250 дивизий.

Хорошо известно, что по состоянию на 22 июня 1941 г. немецкое командование для осуществления плана «Барбаросса» сосредоточила на приграничных с СССР территориях всего лишь около 150 дивизий, остальные соединения прибывали в район боевых действий уже после вторжения.

Естественно, что такая концентрация немецко-фашистских войск не могла не настораживать советское руководство. Но с другой стороны и трезвый расчет не позволял нашим военачальникам сделать панический вывод о готовности Германии напасть на СССР в конце июня 1941 г.

Очевидно, что весь план «Барбаросса», в реальности которого сомневался даже сам его автор генерал Паулюс, имел хоть какие-то шансы на успех только при внезапном нападении. Поэтому необходимо отдать должное Гитлеру и его генералам, которые путем осуществления дезинформационных операций и мероприятий оперативной маскировки сумели обмануть советское руководство.

Необходимо заметить, что внезапность была достигнута не только по времени начала вторжения, но и по форме применения немецких войск в наступательных операциях. До 22 июля большинство советские генералы и не предполагало, что вступление в сражение главных сил вермахта произойдет одновременно на всех стратегических направлениях и сразу же с

началом боевых действий. Доказательством данного факта являются послевоенные воспоминания Г.К. Жукова, в которых он откровенно признался, что «внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»⁵.

В такой же неопределенности советское командование находилось при определении мест и направлений нанесения противником главных ударов. Это обстоятельство крайне негативно отразилось на действиях приграничной группировки Красной армии в первые дни войны. Не заметив действий танковой группы Гудериана в направлении на Барановичи, командующий Западным фронтом генерал-полковник Д.Г. Павлов обрек значительную часть своих войска на окружение.

Схема №1. Достижение внезапности нападения на СССР летом 1941 г.

Действительно, одной из самых сильных сторон плана «Барбаросса» являлась ставка на внезапность, которая достигалась вермахтом комплексно: использовались не только классические факторы неожиданности времени и места ударов, но и широко применялись новые формы проведения наступательных действий. Именно благодаря полной внезапности немецко-фашистским войскам удалось нанести сокрушительное поражение РККА в приграничных сражениях и к сентябрю месяцу выйти на дальние подступы к Москве.

4. Качество стратегического планирования в СССР накануне Великой Отечественной войны.

Средством минимизации негативных последствий от внезапного нападения врага во все времена являлось наличие адекватного и заранее отработанного плана действий войск, подвергшихся нападению. Не секрет, что перед войной советский Генеральный штаб уделял достаточное количество времени на подготовку оперативно-стратегического плана предстоящей войны. Уже после войны в своих мемуарах маршал Жуков отмечал, что весной 41-го года Генеральный штаб работал «счет потеряв ночам и дням».

Тем не менее, не смотря на существенную проработку многих вопросов подготовки страны к войне, самый главный документ военного планирования в значительной степени не отвечал характеру боевых операций, проводимых

вермахтом в Европе начиная с 1939 г. К сожалению, его теоретическая база главным образом основывалась на ложной модели вероятной войны с Германией, при составлении которой все еще учитывался опыт Первой Мировой войны

ДИНАМИКА	<i>Угрожаемый период</i>	<i>Начальный период боевых действий</i>	<i>Основной период войны</i>
<i>Сроки</i>	15-20 дней	20-30 дней	От 3 до 6 месяцев
<i>Действия со стороны фашистского руководства</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предъявление Берлином ультиматума. 2. Проведение в Германии дополнительной мобилизации (увеличение численности вермахта на 40-50 дивизий). 3. Нарастание приграничной группировки немецких войск минимум на треть от уже имеющегося количества. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение масштабных военных провокаций со стороны Вермахта. 2. Начало боевых действий с локальными целями. 3. Развертывание крупных ударных группировок для осуществления агрессии 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ввод в действие основных сил Германии и союзных ей государств.
<i>Реакция советского правительства</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Укомплектование приграничных округов техникой и личным составом по штатам военного времени. 2. Оперативно-тактическое развертывание приграничных соединений и частей для ведения обороны 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мобилизация экономики и населения страны. 2. Проведение приграничного оборонительного сражения. 3. Развертывание войск второго стратегического эшелона. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Захват инициативы и проведение серии стратегических наступательных операций с целью разгрома немецко-фашистской коалиции.

Схема №2. Модель войны с Германией, заложенная в основу предвоенного оперативно-стратегического планирования в СССР.

Необходимо заметить, что большая часть мероприятий мобилизации населения и экономики, а также оперативного развертывания воинских частей Красной армии ставилась во взаимосвязь с так называемым «угрожаемым периодом». Парадоксально, но руководство Генерального штаба прекрасно понимало, что «современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником»⁶. Однако, вопреки данному послылу, у военно-политического руководства

страны сохранялась ложная уверенность, что война начнется с обязательного объявления Гитлером ультиматума и после серии приграничных провокаций. Конечно же, подобное убеждение не было решено существенных и вполне определенных оснований. Его формированию во многом способствовали донесения советских разведчиков, которые не однократно докладывали о вероятном предъявлении рейхом конкретных политических требований с угрозой применения военной силы в случае отказа со стороны Москвы их выполнять⁷. Так же в расчет брался и опыт агрессии Германии против Польши, которая, как известно, началась с масштабной провокации со стороны немецких войск.

При разработке и осуществление оперативно-стратегического плана предстоящей войны, советское командование уделяло важное значение созданию и развертыванию группировки войск прикрытия. К началу боевых действий в июне 41-го, данные силы имели в своем составе значительное количество личного состава и техники, но могли решать только оборонительные задачи.

Анализ предвоенного оперативно-стратегического построения войск «особых» округов, развернутых на западных рубежах страны не оставляет ревизионистам истории ВОВ, утверждающим что Гитлер всего лишь опередил сталинскую агрессию, не единого шанса наглядно доказать свою точку зрения. В подтверждение несостоятельности этих псевдоисториков достаточно обратить внимание на такой элемент оперативно-стратегического

построения как фронтовые разграничительные линии. Например, разгранлинии Западного Особого военного округа были распложены севернее и южнее Белостокского выступа. Это свидетельствует, что перед войсками округа с начала любой войны могла быть поставлена только ограниченная задача, связанная с обороной минского оперативно-стратегического направления. Абсолютно такая же картина наблюдалась на киевском и ленинградском направлениях.

Если бы Сталин действительно планировал вторжение в Германию, боевой порядок приграничных округов выглядел бы абсолютно иначе. Исходя из элементарной логики военного искусства, вероятней всего, войска Прибалтийского Особого военного округа отмасшировали бы свои силы на северном фазе Белостокского выступа для нанесения удара в направлении Кенигсберга. В свою очередь войска ЗапОВО сделали бы тоже на южном фазе с целью наступления на Варшаву.

Итак, очевидно, что соединения и части РККА, дислоцировавшиеся на западной границе Советского Союза, использовать в рамках превентивной наступательной стратегии не планировалось. К сожалению, не была готова группировка войск прикрытия и к обороне. В особенностях ее рассредоточения явно прослеживалась надежда на тот самый угрожаемый период, который даст дополнительное время на приведение данных войск в боевую готовность необходимую для надежного сдерживания врага. Достаточно взглянуть на боевой порядок 8 и 11 армий Прибалтийского

Особого военного округа, чтобы увидеть, что 22 июня 1941 г. они были не в состоянии противостоять агрессору. Равномерное распределение сил стрелковых дивизий по всей длине фронта и отсутствие направлений сосредоточения основных усилий (НСОУ) в обороне с созданием необходимых плотностей, не развернутость вторых армейских эшелонов – являются теми недостатками, которые сразу же бросаются в глаза.

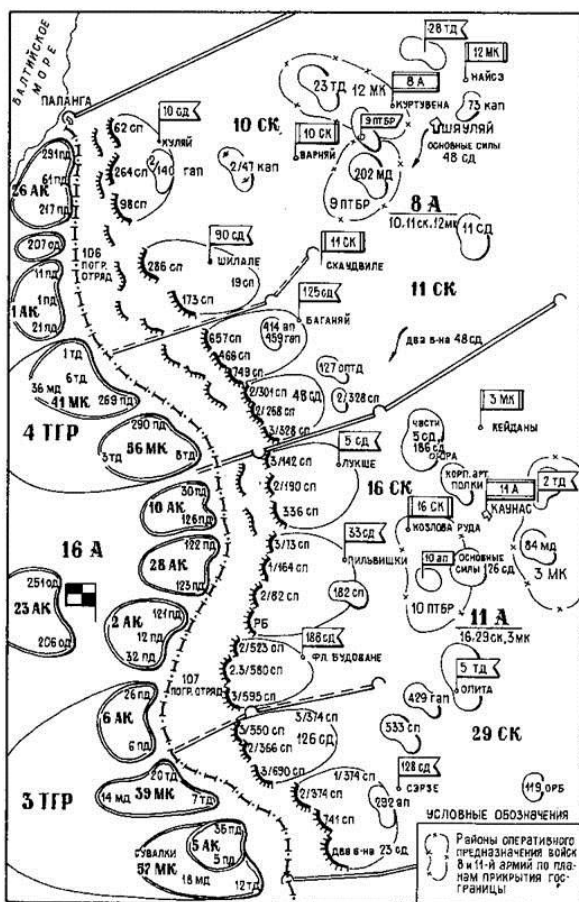

Схема №3. Развертывание войск прикрытия госграницы СССР

Не отобилизованные, развернутые линейно и шаблонно, без учета сведений о местонахождении ударных группировок противника, войска прикрытия были обречены на быстрый разгром. Предусмотренный же оперативно-стратегическим планом войны двадцатидневный период активной обороны данными силами попросту являлся преступным самообманом.

Таким образом, неправильный прогноз этапа втягивания в войну и начального периода боевых действий, сделанный советскими военными руководителями и положенный ими в основу оперативно-стратегического плана войны, явился одной из основных причин катастрофы 41-го.

5. Заключение

Священным долгом каждого российского гражданина является почитание подвига советского народа совершенного им в годы войны. Но приклоняясь перед стойкостью и героизмом солдата, талантом и умом полководца, мы не имеем права забывать о трагических ошибках и необдуманных просчетах, которые привели в 41 году Красную армию на грань катастрофы. Только скрупулезный учет горьких уроков прошлого может помочь нам сегодня, когда страна вновь находится на пороге глобального военного катаклизма. Исторические аналогии вполне очевидны: как и 1940 году, в настоящее время в Европе под видом защиты западной цивилизации от российской агрессии происходит наращивание вооруженных сил, основу которых на этот раз составляют американские войска передового присутствия. Сегодня, как и в те годы, военно-политическое руководство нашего государства не видит повода опасаться скорого военного столкновения с США, а многие из властных элит вообще считают нулевой данную вероятность. Многих российских людей в очередной раз успокаивает широко пропагандируемая мощь наших Вооруженных сил. Безусловно, внушают оптимизм и деловая активность сегодняшнего министра обороны, и масштабные программы перевооружения армии, и повышенное внимание ко многим аспектам боеготовности воинских соединений.

Таковыми же ощущениями были наполнены души и умы советских людей в начале 1941 г. Эта чрезмерная уверенность в своих силах и даже некоторая

беспечность, к сожалению, не позволили вовремя разглядеть им надвигавшуюся опасность, тем самым многократно усилив трагизм их положения с начала войны.

6. Литература

¹ *Кондрашов В.В.* История отечественной военной разведки. Документы и факты. 2-е издание. М. 2013. Стр.376; *Воюшин В.А. Горлов С.А.* Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // Военно-исторический журнал. 1991. №6. Стр.13.

² Нота министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1991. №6. Стр.32

³ История военного искусства: учебник для военных академий советских вооруженных сил. М.: Воениздат., 1984. Стр.123-124.

⁴ *Цымбалов А.Г.* За что пострадал генерал-лейтенант авиации П.И. Пумпур в мае 1941 года // Военно-исторический журнал. 2006. №12; *Жарский А.П. Курочкин П.М.* Войска связи должны были вступить в войну раньше, чем все остальные рода войск // Военно-исторический журнал. 2008. №1; Уры: инженерное обеспечение боевых действий в начальный период ВОВ // Армейский сборник. 2008. №8 и т.д.

⁵ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.,1992. Т.2.

⁶ Василевский А.М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью от 20 авг. 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1994. №6.

⁷ *Пещерский В.Л.* Два досье «Красной капеллы» // Военно-исторический журнал. 1995. №6.